

Понятие и классификация принудительных мер в области защиты прав человека

В.С. Беззубцев

аспирант кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: zaehne@mail.ru

Аннотация

Вопросы, связанные с правомерностью международного вмешательства во внутренние конфликты, являются предметом зачастую острых дискуссий как в международно-правовой науке, так и в теории международных отношений. В то же время недостаточное внимание уделяется исследованию форм и видов конкретных мер, которые могут быть приняты Советом Безопасности ООН или, с его санкции, региональными организациями в качестве реакции на тяжёлые гуманитарные кризисы, массовые и грубые нарушения прав человека, происходящие в пределах государственной территории. В настоящей статье предпринята попытка провести классификацию тех принудительных мер, которые являются правомерными в свете действующих обычных и конвенционных норм современного международного права. Данные меры классифицированы в зависимости от способа их реализации (военные и невоенные), от их цели (направленные на предупреждение, пресечение и восстановление), от того, каким международным органом применение этих мер осуществляется. Особое внимание уделено принудительным мерам военного характера, выделены их формы и виды в зависимости от интенсивности и целей силового вмешательства, а также предпринята попытка анализа их эффективности исходя из накопленного международной практикой опыта. На основании этого сделан вывод о том, что применение военных принудительных мер (военных санкций) должно носить преимущественно вспомогательный характер. Это обусловлено невозможностью разрешить кризисную ситуацию в долгосрочной перспективе с опорой только на силовые инструменты. Дана оценка эффективности невоенных принудительных мер (политических, дипломатических, экономических). Таким образом, учитывая значительную политическую сложность тех ситуаций, которые на практике приводят к массовым грубым нарушениям прав человека (этнические чистки, массовые депортации, геноцид, военные преступления и т.д.), развитие международного права в рассматриваемой сфере должно идти в направлении регламентации и реализации как можно более широкого спектра мер, направленных на отдельные аспекты таких кризисных ситуаций.

Ключевые слова

принудительные меры, международно-правовые санкции, права человека, гуманитарное вмешательство, внутригосударственные конфликты, Совет Безопасности ООН.

Библиографическое описание: Беззубцев В.С. Понятие и классификация принудительных мер в области защиты прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 160–170.

JEL: K33; УДК: 341

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.2.160.170

Усиление связи между защитой прав человека и вопросами международного мира и безопасности является одной из тенденций развития международного права начиная со второй половины XX века. В настоящее время, по данным Центра международного раз-

вития и урегулирования конфликтов Мэрилендского университета (США), 95% современных вооруженных конфликтов носит внутригосударственный характер¹. Для этих конфликтов характерно значительное количество жертв среди гражданского населения, что усугубляется проблемой игнорирования норм международного гуманитарного права всеми вовлеченными сторонами. Наиболее тревожной является ситуация в Африке, которая на протяжении десятилетий остается самым конфликтным и нестабильным регионом мира, и риски социально-политической дестабилизации там не уменьшаются, а возрастают. Ближний Восток вступил в длительный период нестабильности, сопровождаемой фактическим распадом государственности в регионе. Все это определяет актуальность выработки международного механизма мер, которые могут быть приняты как на универсальном (Совет Безопасности ООН), так и на региональном уровне с целью деэскалации конфликтов, защиты прав человека от массовых нарушений.

В международно-правовой и политологической литературе этот вопрос много лет исследовался с точки зрения анализа правомерности и допустимости так называемой гуманитарной интервенции, затем с 2001 г. концепции «обязанность защищать» (*responsibility to protect*). Поскольку рассматриваемые вопросы связаны с ключевыми категориями международного правопорядка — правомерностью применения силы и суверенитетом государства, обсуждения этих проблем носят зачастую идеологизированный характер и сосредоточены на поисках юридических и моральных аргументов в пользу возможности преодолеть государственный суверенитет для вмешательства во внутрисполитический конфликт с гуманитарными целями. В то же время необходимо констатировать, что в ходе данных дискуссий не уделяется должного внимания рассмотрению конкретных мер, которые могут быть приняты уполномоченными органами (прежде всего Советом Безопасности ООН и с его санкции — региональными организациями) для стабилизации ситуации, и исследованию их эффективности. «Инвентаризация» этих мер на основе практического опыта необходима для определения дальнейших путей развития международного сотрудничества в данном направлении.

В первую очередь необходимо проанализировать значение международно-правовой категории принудительных мер, провести их классификацию и рассмотреть их соотношение со смежными международно-правовыми институтами ответственности и санкций. Прежде всего следует отметить, что наука международного права отличается исключительным разнообразием мнений о значении термина «принудительные меры», а также об их соотношении со смежными институтами международного права². В самом общем виде принудительные меры можно определить как меры, принимаемые субъектами международного права индивидуально или коллективно с целью пресечения действий другого субъекта, являющихся нарушением международного права. Неоднозначным является вопрос о соотношении принудительных мер с международно-правовой категорией санкций. Само понятие санкций является крайне многоаспектным; так, профессор В.А. Василенко в монографии, изданной еще в 1976 г., насчитал 15 различных определений понятия «санкции» в международном праве³. В этом отношении считаем нужным опираться на подход, сформулированный Комиссией международного права

¹ См.: Bakke K., Gallagher-Cunningham K., Seymour L. A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion, and Infighting in Civil Wars // *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10. N 2. P. 265–283.

² Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 45.

³ Василенко В.А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 1976. С. 220.

ООН при разработке проекта статей об ответственности государств: санкциями следует считать принудительные меры, предпринимаемые государствами коллективно через действия международного органа или организации; меры, предпринимаемые государствами индивидуально в ответ на неправомерные действия, следует считать ответными мерами, или контрмерами⁴.

Таким образом, принудительные меры можно разделить на санкционные и несанкционные (осуществляемые государствами индивидуально). Подобную позицию в российской науке международного права занимал, в частности, Ю.Н. Жданов⁵. Предметом рассмотрения в настоящей статье становятся, таким образом, санкционные принудительные меры, принимаемые ООН, либо иными международными организациями на основании мандата ООН, с целью защиты прав человека, пресечения массовых их нарушений. Вопрос о правомерности индивидуальных принудительных мер экономического и политического характера, предпринимаемых одними государствами в отношении других на основании негативной оценки состояния прав человека в этих странах, был также исследован в российской и зарубежной науке международного права⁶.

Известно широкое применение данного инструмента во внешнеполитической практике ряда стран, прежде всего США и членов ЕС в значительной степени, именно по гуманитарным мотивам. В то же время правомерность таких мер не может быть обоснована с точки зрения действующего международного права. Аргументом сторонников данного подхода выступает толкование данных односторонних «санкций» (как эти меры широко, но юридически некорректно именуются в политическом обиходе) в качестве реакции на нарушение обязательств *erga omnes* (между всеми), а на основе сложившихся договорных и обычных международно-правовых норм, обязательства по уважению прав человека носят именно такой характер⁷. Такой подход, однако, не согласуется с принципом суверенного равенства государств. Принятие на себя отдельными странами квазинадзорных функций в отношении соблюдения прав человека не находит оснований в действующем международном праве. Обеспечение соблюдения этих обязательств и преодоление возникающих в связи с этим проблем должно происходить коллективно, во избежание превращения принудительных мер в орудие одностороннего политического давления.

В теории государства и права принудительные меры принято делить на меры предупреждения, меры пресечения и меры ответственности. Разделение принудительных мер на меры превентивного и меры репрессивного характера обосновано в теории международного права⁸. В то же время, в силу особенностей международно-правового принуждения (отсутствие единого надгосударственного центра принуждения, не прямой его характер — возможность реализации принуждения государствами через между-

⁴ Ежегодник КМП. Документы 43 сессии. Нью-Йорк, 1991. Т.2. Ч.1. Документ ООН А/46/10.

⁵ Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 8.

⁶ См., напр.: Кешинер М.В. Легитимность «санкций» в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 141–152; Franco C. Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law // Documenti IAI. March 2015 // <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1505.pdf> (дата обращения: 15.04.2016)

⁷ См., напр.: O'Connell M.E. Debating the Law of Sanctions // European Journal of International Law. 2002. N 13. P. 65.

⁸ Левин Д.Б. Санкции в международном праве // Правоведение. 1981. № 1. С. 40–48.

народную организацию)⁹, на международном уровне очень сложно отграничить один вид принуждения от другого. Так, по замечанию Л.Н. Тарасовой, если рассматривать операции по поддержанию мира как меру международного принуждения, то такая мера будет являться одновременно и предупреждением дальнейшего роста угрозы миру, и пресечением уже существующей¹⁰.

Что касается мер ответственности, то применительно к рассматриваемой теме они имеют самостоятельное значение. Юридическая ответственность (в субъективном смысле) определяется в теории права как обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть соответствующие неблагоприятные последствия¹¹. В то же время целью санкционных принудительных мер является не наказание нарушителя как таковое (т.е. отсутствует присущий ответственности так называемый карательный элемент), а исправление ситуации, предотвращение дальнейшей ее эскалации. На необходимость различать меры принуждения и меры ответственности в международном праве указывал, в частности, И.И. Лукашук¹². В этом отношении, и с формально-юридической, и с практической точки зрения очень спорно утверждение П.В. Чикова, что санкции (в частности, военные) выполняют, в том числе карательную функцию¹³.

Ответственность за массовые грубые нарушения прав человека выражается прежде всего в форме индивидуальной уголовной ответственности высших политических и военных руководителей, причастных к организации таких нарушений (процессуальные формы привлечения к такой ответственности могут быть различными — рассмотрение дела в Международном уголовном суде, в суде *ad hoc*, в «гибридном», т.е. международно-национальном трибунале). Резолюции Совета Безопасности ООН, который является не независимым юрисдикционным, а политическим органом, направлены не на наказание лиц, виновных в преступлениях против человечности, а на исправление и стабилизацию ситуации. Рассматривая данный вопрос с практической точки зрения, необходимо отметить очень противоречивый характер большинства современных конфликтов, в которых нельзя выделить только одну сторону, ответственную за его эскалацию, в противоположность другой стороне, которая бы заслуживала поддержку международного сообщества. В этом отношении меры превенции и меры пресечения играют решающую роль.

Итак, правомерными являются меры, принимаемые государствами коллективно — либо непосредственно через органы ООН, либо с использованием механизмов региональных организаций при наличии мандата Совета Безопасности. Проводя классификацию данных мер, необходимо, основываясь на положениях Устава ООН, выделить две основные их группы по способу воздействия: меры военные и меры, не связанные с использованием военной силы. Положения ст. 38 и 41 Устава ООН, в которых закрепляется примерный перечень этих мер, являются предметом самого пристального изучения и толкования в связи с тем, что ситуация в области международной безопасности претерпела серьезные изменения после принятия Устава в 1945 г. Сегодня так называемое эволютивное толкование (*evolutionary interpretation*) многими рассматрива-

⁹ Международное право: Учебник / под ред. А.С. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2011. С. 41.

¹⁰ Тарасова Л.Н. Указ. соч. С. 49.

¹¹ Теория государства и права: Учебник / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 419.

¹² Лукашук И.И. Международное право. М., 2005. С. 89.

¹³ Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 43.

ется как способ адаптации этих норм к современным реалиям без изменения их содержания¹⁴. Системное толкование положений главы VII Устава позволяет определить арсенал средств, имеющихся в распоряжении Совета Безопасности — главного органа ООН, ответственного за поддержание мира и безопасности, воздействие на гуманитарные кризисы и предотвращение массовых нарушений человеческих прав.

Разделение на военные и невоенные меры является основным критерием классификации, однако помимо него считаем нужным провести еще одно разделение принудительных мер, основанное на разработанной в теории классификации и использованное авторами доклада Международного комитета по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, в котором были изложены основы концепции *responsibility to protect*: меры предупреждения, меры реагирования и меры защиты¹⁵. В то же время речь не идет о полном заимствовании положений доклада этой части. Концепция *responsibility to protect* носит не юридический, а в большей степени морально-политический характер и ее разработчики не использовали термин «принудительные меры» (*coercive measures*). В то же время при разработке данного доклада было проанализировано большое количество по-разному завершившихся прецедентов международного вмешательства (не только силового) по гуманитарным основаниям. Исходя из логики развития гуманитарных кризисов и внутривнутриполитических конфликтов, приводящих к вооруженным столкновениям (а подобные ситуации являются основными причинами массовых нарушений прав человека), подобная «трехступенчатая» схема международной реакции выглядит вполне оправданной. При этом, однако, необходимо выяснить, всегда ли меры, принимаемые в рамках предупреждения, реагирования и восстановления являются принудительными, и всегда ли может быть применена военная сила.

Главной особенностью принудительных мер является то, что они являются исключением из принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств (что следует из ст. 2 п. 3 Устава ООН) и принимаются без согласия государства-адресата, вопреки его воле. Таким образом, такие действия как «интервенция по приглашению»¹⁶ или размещение миротворческих контингентов с целью наблюдения за режимом прекращения огня, хотя и связаны с использованием военной силы, но не являются принудительными мерами, так как совершаются с согласия государства, которому они адресованы. Следовательно, непосредственно к принудительным мерам без использования военной силы необходимо отнести экономические санкции (банковские, финансовые ограничения, налагаемые на государство или отдельных деятелей высшего политического руководства, ответственных за массовые нарушения прав человека, торговое эмбарго — запрещение экспортных и импортных операций по определенным группам товаров), запрет на продажу оружия¹⁷. Принудительные меры политического характера могут включать в себя лишение государства права голоса в международной организации, приостановление членства либо исключение из данной организации. Они предус-

¹⁴ О сущности эволютивного толкования см.: Bjorge E. *Evolutionary Interpretation of Treaties*. Oxford, 2014; Bjorge E. *The Means of Interpretation Admissible for the Establishment of the Intention of the Parties* // <https://www.ilsa.org/jessup/jessup15/Second%20Batch/EirikBjorgeCh3.pdf> (дата обращения: 15.04.2016)

¹⁵ См.: *The Responsibility to Protect: Report of International Commission on Intervention and State Sovereignty*. Ottawa, 2001.

¹⁶ В частности, военная операция ВКС Российской Федерации в Сирии, проводимая с 30 сентября 2015 г.; поддержка Францией правительства Мали в подавлении исламистского мятежа в мае 2013 г. и т.д.

¹⁷ Подробнее о классификации экономических санкций в международном праве см.: Рыжова М.В. *Экономические санкции в международном праве*: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

мотрены уставами большинства международных организаций и могут быть применены как в качестве санкции за нарушение внутреннего права организации, так и за нарушения обязательств *erga omnes*.

Разрыв дипломатических отношений следует считать индивидуальной контрмерой, а не мерой санкционного принуждения, так как призыв разорвать дипломатические отношения может иметь только рекомендательный характер. Не следует также считать принудительной мерой и вынесение ситуации в области прав человека на обсуждение в органах ООН и в других международных организациях — сложилась обычная норма, согласно которой простое обсуждение такого рода вопросов не представляет собой вмешательства во внутренние дела государства (как считалось ранее), следовательно, не является принуждением¹⁸. Безусловно, эффективность экономических средств принуждения ограничена. Однако они традиционно рассматриваются в качестве альтернативы военному вмешательству, и несмотря на все сложности и противоречия, связанные с их применением, на международном уровне не высказывается предложений об их изъятии из политической практики.

С точки зрения целей принудительных мер экономические санкции следует рассматривать в качестве средств предупреждения и в меньшей степени — пресечения массовых нарушений прав человека. Так в результате действия санкционного режима ряд правительств Латинской Америки согласились провести свободные выборы; под давлением экономических мер пал режим апартеида в ЮАР. В то же время неоднозначный опыт экономических санкций, введенных Советом Безопасности против Ирака после войны в Персидском заливе в 1991 г. и вызвавших острый продовольственный дефицит, голод и повышенную детскую смертность, заставил международное сообщество более осмотрительно и дифференцированно подходить к вопросам торговых и финансовых ограничений и минимизировать их негативное воздействие на гражданское население, которое не всегда имеет возможность контролировать действия правительства.

Большинство мер, целью которых является предупреждение, не носят, однако, принудительного характера. Они направлены на поиск диалога с государством-адресатом, на установление компромисса между различными группами общества, в котором имеются предпосылки этнополитической напряженности. Значительную роль играет содействие в выстраивании эффективных государственных институтов, демократизация, развитие системы правосудия и гарантий соблюдения прав человека. Большинство механизмов такого содействия разработано под эгидой различных региональных организаций, так, в 1993 г. в рамках Организации африканского единства (с 2002 г. — Африканский Союз) был создан механизм предупреждения и урегулирования конфликтов. Проблема разработки системы предупреждения конфликтов на универсальном уровне остается крайне актуальной, и разрыв между декларируемой готовностью действовать с целью предотвращения конфликтов и практическими шагами должен быть сокращен¹⁹.

Основной категорией принудительных мер являются меры по реагированию (пресечению), которые являются ответом на перерастание напряженности в государстве в полномасштабный гуманитарный кризис. На этом этапе возможно применение как военных, так и невоенных мер, однако наибольшее практическое и теоретическое значение имеет вопрос использования военной силы, его правовое обоснование, процесс санкционирования и контроля.

¹⁸ Карташкин В.А. Права человека и внутренняя юрисдикция государств // Обозреватель. 2009. № 3. С. 15.

¹⁹ ICISS Report. P. 19.

Юридической основой для применения военных принудительных мер (используется также термин «военные санкции»)²⁰ является ст. 41 Устава ООН. На основе ее положений на протяжении последних 25 лет сложилась довольно обширная практика санкционирования и применения тех или иных мер военного характера для достижения тех или иных целей. Эти меры могут быть квалифицированы по ряду оснований. Во-первых, использование силы может предусматривать различные варианты действий в зависимости от поставленной цели. Целью может быть либо обеспечение доступа населения к гуманитарной помощи, охрана гуманитарных конвоев, либо проведение полномасштабных военных операций, связанных с решением боевых задач. Основы правового статуса гуманитарных миссий были заложены двумя резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, принятыми в 1988 г.²¹ и 1991 г.²² по инициативе международной неправительственной организации «Врачи без границ». Несмотря на то, что они не подразумевали непосредственного применения принудительных мер военного характера (действия вооруженных сил на территории государства без его согласия), в практике ООН постепенно была осознана необходимость силового обеспечения безопасности гуманитарных миссий. Именно в рамках такого понимания началась операция ООН в Сомали (ЮНОСОМ-I) в 1992 г. Целью ее было обеспечить охрану поставок гуманитарной помощи. Впоследствии эта миссия ООН приобрела характер полноценной военной операции под руководством США (ЮНОСОМ-II)²³. К данной категории принудительных мер также можно отнести создание зон безопасности (*safe havens*), что имело место, в частности, в ходе ирако-кувейтского (1991 г.) и боснийского (1995 г.) конфликтов. В качестве такой меры может рассматриваться морская блокада с целью недопущения поставок оружия конфликтующим сторонам. Таким образом, данная группа мер направлена не на изменение хода конфликта или его непосредственное подавление, а на минимизацию последствий конфликта для гражданских лиц и на недопущение его эскалации.

Второй группой военных принудительных мер, выделяемых в зависимости от цели, являются полноценные военные операции, проводимые либо вооруженными силами ООН, либо другими акторами (региональными организациями, отдельными государствами или их коалициями), направленные на изменение хода конфликта. К ним могут быть отнесены операции сухопутных сил, бомбардировки военных целей воздушными силами, установление бесполетной зоны над территорией конфликта и т.д. С этой категорией мер связано наибольшее количество как практических, так и юридических вопросов. За последние 25 лет накоплен обширный опыт применения данных мер в различных региональных и внутригосударственных конфликтах (как с санкции СБ ООН, так и при ее отсутствии).

Анализируя военные операции и их последствия для затронутых регионов, можно констатировать, что этот опыт является неоднозначным. Очевидно, нельзя полностью отказываться от данного инструмента, хотя и обладающего разрушительной силой, но потенциально необходимого в определенных ситуациях. В этом состоит своего рода «дилемма интервенции»: серьезность положения не позволяет международным акто-

²⁰ Чиков П.В. Указ. соч. С. 43.

²¹ Резолюция ГА ООН 43/131 от 8 декабря 1988 г. «Гуманитарная помощь жертвам природных бедствий и чрезвычайных ситуаций».

²² Приложение к Резолюции Генеральной Ассамблеи № 46/182 от 19 декабря 1991 г. об усилении координации ООН действий по оказанию чрезвычайной гуманитарной помощи.

²³ См.: Allard C.K. Somalia Operations: Lessons Learned. Washington, 1995.

рам бездействовать, но вмешательство может стать не способом разрешения ситуации, а причиной ее дальнейшего усугубления²⁴. Опыт показывает, что военную операцию легко начать, но после иностранного вмешательства конфликт начинает развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, при этом высок потенциал эскалации. В современных конфликтах такого рода военные действия и идущий, как правило, параллельно, процесс политического урегулирования неотделимы друг от друга. Длящийся с 2011 г. до настоящего момента сирийский кризис подтверждает, что без достижения, хотя бы на базовом уровне, консенсуса между, с одной стороны, региональными акторами, имеющими прямые интересы в конфликтном регионе, и с другой — державами, несущими основную ответственность за урегулирование кризиса (применительно к Сирии — Россия и США), кровопролитию не может быть положен конец.

Опыт показывает, что меры военного характера могут позволить временно стабилизировать положение, но без политического урегулирования эта стабилизация будет оставаться крайне шаткой. Проблемы, которыми вызвана большая часть массовых и грубых нарушений прав человека коренятся зачастую не в политических разногласиях (как это порой упрощенно понимают на Западе)²⁵, а в фундаментальных проблемах этнической, религиозной, культурной идентичности. Посылать войска в страны, раздираемые такими конфликтами — значит, ставить перед собой чрезвычайно масштабные цели: решением может быть только перестройка самого характера и глубинных структур политического порядка²⁶. Использование прямого военного воздействия может играть здесь только вспомогательную роль. Нельзя согласиться с отечественным исследователем проблем военных санкций П.В. Чиковым в том, что «военные санкции — это наиболее эффективный способ разрешения международных споров и ситуаций. При четком определении оснований и субъектов применения ... они характеризуются относительной быстротой достижения результата, экономией ресурсов и прозрачностью процесса реализации»²⁷. Применение военных санкций зачастую чревато эскалацией конфликта, не говоря уже о том, что сами военные санкции — суть вооруженный конфликт, сопровождающийся неизбежными жертвами среди мирного населения.

Таковы правовой и международно-политический контексты применения военных принудительных мер, сформировавшиеся за последние десятилетия. Они демонстрируют необходимость крайне осторожного подхода к вопросу использования силы для преодоления гуманитарных кризисов. Тем не менее этот инструмент останется в арсенале Совета Безопасности ООН, и будет происходить его дальнейшая адаптация к современным угрозам миру. Необходимо отметить, что между двумя рассмотренными разновидностями военных принудительных мер нет четкого водораздела: на практике они взаимосвязаны. Так, операция в Руанде обернулась катастрофой, потому что не нашлось политической воли для отправки войск с целью пресечения геноцида²⁸.

Помимо классификации по критерию цели необходимо разделить военные принудительные меры по критерию реализующего их субъекта. Практика международных

²⁴ *Bajoria J., McMahon R. The Dilemma of Humanitarian Intervention* // <http://www.cfr.org/humanitarian-intervention/dilemma-humanitarian-intervention/p16524> (дата обращения: 15.04.2016)

²⁵ См.: *Lévy B.-H. Réflexions sur la guerre, le mal et la fin de l'histoire*. Paris, 2003; *Power S. A Problem from Hell: America and the Age of Genocide*. New York, 2002.

²⁶ *Маркс Р. Миротворчество и неправительственные правозащитные организации* / Российский бюллетень по правам человека. М., 1994. С. 37.

²⁷ *Чиков П.В. Указ. соч.* С. 12.

²⁸ *Melvorn L. Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide*. London and New York, 2004.

отношений довольно далеко отошла от положений, предусмотренных Уставом ООН. Согласно положениям гл. VII, военные принудительные действия проводятся Вооруженными силами ООН, предоставляемыми ему в распоряжение странами-членами на основании ратифицируемого договора и под непосредственным руководством Военно-штабного комитета (ВШК). Эти положения так и не были применены из-за разногласий между постоянными членами Совета Безопасности. В качестве примера военных операций сил ООН можно привести миссию в Конго (1960–1964 гг.), направленную на урегулирование конфликта этой страны с ее бывшей метрополией — Бельгией. Фактически, однако, силы ООН оказали прямую поддержку бывшим колонизаторам²⁹. Идея воссоздания Военно-штабного комитета высказывается в науке³⁰, однако в существующих условиях это маловероятно. Другой тип военных операций — операции, проводимые коалициями государств с санкции Совета Безопасности. Практика их осуществления началась еще в первые годы существования ООН: в 1950 г. (СССР отсутствовал при голосовании) была принята резолюция, санкционирующая вмешательство международной коалиции во главе с США в войну, разгоравшуюся на Корейском полуострове. Впоследствии в силу различных причин подобная форма операций, в том числе с целью защиты прав человека, получила широкое распространение.

Таким образом, на основании толкования договорных и обычных норм международного права можно вывести систему мер, находящихся в распоряжении Совета Безопасности ООН. Эти меры, в зависимости от их целей, могут быть разделены на меры предотвращения, меры пресечения и меры восстановления. В зависимости от используемых средств меры каждой из этих трех групп могут быть разделены на меры военного и невоенного характера, причем военные принудительные меры имеют решающее значение на стадии пресечения грубых массовых нарушений прав человека. В то же время практика военных санкций демонстрирует, что они играют преимущественно вспомогательную роль для целей защиты населения от массовых нарушений прав человека и гуманитарных кризисов, вызванных внутренними конфликтами. Главной целью всего комплекса принудительных мер, находящихся в распоряжении международного сообщества, должно являться достижение устойчивого политического урегулирования, для которого применение военных мер может создать необходимые предпосылки.

Библиография

- Жданов Ю.Н. Принудительные меры в международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 450 с.
- Карташкин В.А. Права человека и внутренняя юрисдикция государств // Обозреватель. 2009. № 3. С. 12–22.
- Кешнер М.В. Легитимность «санкций» в отношении Российской Федерации: международно-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 141–152.
- Котляр В.С. Реформа ООН и вопрос о возрождении Военно-штабного комитета // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 64–72.
- Левин Д.Б. Санкции в международном праве // Правоведение. 1981. № 1. С. 40–48.
- Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
- Маркс Р. Миротворчество и неправительственные правозащитные организации // Российский бюллетень по правам человека. М.: Б. и., 1994. С. 24–45.

²⁹ Барышев А.П. Стратегия Белого дома и ООН. М., 1972. С. 125.

³⁰ Котляр В.С. Реформа ООН и вопрос о возрождении Военно-штабного комитета // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 65.

Международное право: учебник / под ред. А.С. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Юрайт, 2011. 780 с.

Тарасова Л.Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.

Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 180 с.

Allard C.K. Somalia Operations: Lessons Learned. Washington: National Defense University Press, 1995. 280 p.

Bajoria J., McMahon R. The Dilemma of Humanitarian Intervention // <http://www.cfr.org/humanitarian-intervention/dilemma-humanitarian-intervention/p16524> (дата обращения: 06.03.2016)

Bakke K., Cunningham K., Seymour L. A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion and Infighting in Civil Wars // *Perspective on Politics*. 2012. Vol. 10. No 2. P. 265–283.

Franco C. Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law // *Documenti IAI*. March 2015. Available at // <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1505.pdf> (дата обращения: 15.04.2016)

Melvorn L. Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide. London and New York: Verso, 2004. 320 p.

Power S. A Problem from Hell: America and the Age of Genocide. New York: Basic Books, 2002. 610 p.

Concept and Classification of Coersive Measures in Context of Human Rights Protection

Vladimir Bezzubtsev

Postgraduate Student, Department of International Public and Private Law, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: zaehne@mail.ru

Abstract

The issues related to the legality of international intervention in internal conflicts are often part of serious discussions both in international law and the theory of international relations. However, insufficient attention is drawn to the research of forms and types of specific measures which may be taken by the UN Security Council or with its sanction by regional organizations to respond to challenging humanitarian crises, mass and gross violations of human rights occurring within state territories. The paper attempts to classify coercive measures eligible in terms of the current common and conventional norms of modern international law. The measures are classified by the means of their implementation (military or non-military), their aim (targeting prevention, suppress and restoring) and which international body applies these measures. A focus is made on the coercive military measures, their forms and types depending the intensity and aims of coercive intervention. Besides, the paper attempts to examine their efficiency on the international expertise. This makes a conclusion that applying military coercive measures (military sanctions) should be primarily of auxiliary nature, which is determined by the impossibility to solve a crisis situation in the long run relying only on coercive instruments. Non-military coercive measures (political, diplomatic, economic) are assessed. Hence, with a significant political complexity of the situations which in practice cause mass gross violations of human rights (ethnic cleansings, mass deportations, genocide, military crimes etc.), the development of international law in the sphere should develop with a focus on regulation and implementation of a wider range of measures targeting some aspects of the crisis situations in question.

Keywords

coercive measures, international law sanctions, human rights, humanitarian intervention, interstate conflicts, UN Security Council.

Citation: Bezzubtzev V.S. (2016) Concept and Classification of Coersive Measures in Context of Human Rights Protection. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 2, pp. 160–170 (in Russian).

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.2.160.170

References

- Allard C.K. (1995) *Somalia Operations: Lessons Learned*. National Defense University Press, 280 p.
- Bajoria J., McMahon R. *The Dilemma of Humanitarian Intervention*. Available at: <http://www.cfr.org/humanitarian-intervention/dilemma-humanitarian-intervention/p16524> (accessed: 06.03.2016)
- Bakke K., Cunningham K., Seymour L. (2012) A Plague of Initials: Fragmentation, Cohesion, and In-fighting in Civil Wars. *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 2, pp. 265–283.
- Chikov P.V. (2003) *Voennye sanktsii v mezhdunarodnom prave (Diss. ...kand. jurid. nauk)* [Military Sanctions in International Law. (Candidate of juridical sciences dissertation)]. Moscow, 180 p.
- Franco C. (2015) *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law*. Documenti IAI. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai1505.pdf> (accessed: 15.04.2016)
- Kartashkin V.A. (2009) Prava cheloveka i vnutrennyaya yurisdiksiya gosudarstv [Human Rights and Internal Jurisdiction of States]. *Obozrevatel*, no 3, pp. 12–22.
- Keshner M.V. (2015) Legitimnost' «sanktsiy» v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii: mezhdunarodno-pravovoy analiz [Legitimacy of Sanctions against Russia: International Law Analysis]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 7, pp. 141–152.
- Kotlyar V.S. (2006) Reforma OON i vopros o vrozozhdenii voenno-shtabnogo komiteta [UN Reform and Issue of Restoring Military Staff Committee]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, no 6, pp. 64–72.
- Kovalev A.S., Chernichenko S.V. (eds.) (2011) *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik* [International Law: Textbook]. Moscow: Yurait, 780 p. (in Russian)
- Levin D.B. (1981) Sanktsii v mezhdunarodnom prave [Sanctions in International Law]. *Pravovedenie*, no 1, pp. 40–48.
- Lukashuk I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik* [International Law. General Part: Textbook]. Moscow: Volters Kluver, 432 p. (in Russian)
- Marks R. (1994) Mirotvorchestvo i nepravitel'stvennye pravozashchitnye organizatsii [Peacemaking and Nongovernmental Human Rights Group]. *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka* [Russian Bulletin on Human Rights]. Moscow: Institute of Human Rights, pp. 24–45.
- Melvern L. (2004) *Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide*. London and New York: N.Y.: Verso, 320 p.
- Power S. (2002) *A Problem from Hell: America and the Age of Genocide*. N.Y.: Basic Books, 610 p.
- Tarasova L.N. (2007) *Primenenie sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i zashchita prav cheloveka (Diss. ...kand. jurid. nauk)* [Use of Force in International Relations and Human Right Protection (Candidate of legal sciences dissertation)]. Moscow, 203 p.
- Zhdanov Yu.N. (1999) *Prinuditel'nye mery v mezhdunarodnom prave: (Avtoref. diss. Doktor. Jurid. Nauk)*. [Coercive Measures in International Law. (Summary of doctor of juridical sciences dissertation)]. Moscow, 450 p.